

Сибирский регионализм М. М. Сперанского в оценке русской историографии XIX–XX вв.

Одной из важных особенностей геополитического развития российской государственности стали фактор ее евразийско-азиатского строения, огромная протяженность границ, пестрый этнический и религиозный состав населения. Не последнюю роль в этом процессе играли время и способы включения народов в состав России. Современная Россия в значительной степени унаследовала особенности геополитического строения империи. Ее традиционное диполе Европа – Азия, неравномерность в экономическом и социокультурном развитии регионов федерации, сохраняющиеся этническая, религиозная пестрота и имевший в недавнем прошлом место парад суверенитетов – все это выдвигают перед теоретиками и практиками государственного строительства весьма непростую и в то же время актуальную задачу выработки концептуальных основ региональной политики новой демократической России. В этом смысле изучение исторического опыта разработки моделей региональной политики в досоветской России является весьма полезным и актуальным. Огромная территория России сложилась в результате противоречивого процесса. Земли, вошедшие в состав этого государства, отличались не только разнообразием климата, ландшафта, но и уровнем хозяйственного освоения. В Российской империи существовала большая разница между территориями в уровне экономического развития. Региональные особенности управления отдельными, подчас весьма разнообразными территориями огромного государства вырабатывались правительством по мере их вхождения в состав России и упрочения власти и авторитета центрального правительства. Известный отпечаток на этот процесс накладывали и субъективные взгляды государственных деятелей каждой эпохи. Именно поэтому историю России, как и ее отдельных составных окраинных территорий, необходимо рассматривать с позиций «регионального измерения». Используемый авторами региональный подход к изучению проблемы позволяет утверждать, что история выстраивания отношения различных земель, входивших в состав империи, с центром отнюдь не сводится к земледельческому освоению, заселению и, уж тем более, к колониаль-

ной эксплуатации. Это еще и очень длительный и сложный процесс инкорпорации этих территорий в единую административно-политическую, правовую системы и социокультурную жизнь государства. Присоединение новых обширных территорий, достижение естественных границ рассматривалось правительством как необходимое обеспечение гарантий безопасности, сознание того, что с данной окраины России опасность не грозит¹. Изучение конкретно-исторического материала свидетельствует о том, что вслед за присоединением перед правительством вставала проблема властного освоения этих земель, а решение проблем хозяйственного обустройства отодвигалось на второй план. По в силу уже отмеченного нами существенного различия новых земель процесс и методы их хозяйственного и властного освоения не были одинаковыми. Так зарождались «особенные правила» взаимоотношения с новыми окраинными территориями, которые в каждом конкретном случае имели как общие, так и индивидуальные особенности. По мере упрочения самодержавия во внутренней политике начинает четко проследиваться тенденция на ликвидацию остатков былой самостоятельности пограничных и окраинных территорий. На примере Сибири этот процесс в итоге вылился в эволюцию этой колониальной окраины в периферийную часть государства. Имперская система управления вот уже более века не теряет своей актуальности, вероятно, потому, что это «вечно юные, неисчерпаемые вопросы, на которые, по-видимому, вовсе не может быть дано одного определенного ответа, однаково пригодного для всех эпох и народов»².

Интерес к проблемам внутренней политики России исследуемого периода возник в отечественной историографии в середине XIX столетия. Генерал М. И. Богданович, историк-юрист А. Д. Градовский, историки права Б. Э. Нольде, Э. Н. Берендтс, П. М. Коркунов, П. И. Лазаревский и др. подготовили ряд интересных публикаций об истории государственного управления в

---

¹ Подробнее о значении фактора «рубежа» в истории см.: Агеев А. Д. Американский «фронт» и сибирский «рубеж» как факторы цивилизованного разлома // Американский и Сибирский фронт: материалы междунар. науч. конф. 4–6 сент. 1996 г. Томск, 1997. С. 30–36; Его же. Движение России на Восток и США на Запад: сходства и оппозиции (методологический аспект) // Взаимоотношение народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: докл. Второй Междунар. науч.-практ. конф. 11–14 авг. 1997 г. М.: Иркутск; Тагу, 1997. Кн. 2. С. 18–23.

² Ивановский В. В. Вопросы государственоведения, социологии и политики. Казань, 1899. С. 244.

России¹. Однако вопросы управления и правового статуса окраин империи в этих общих работах освещались весьма фрагментарно. Не изменила ситуацию работа выдающегося профессора русского государственного права В. В. Ивановского². Тем не менее практические задачи государственного управления, интерес правящих кругов к окраинам, практические задачи по организации управления ими дали толчок к изучению окраинной политики российского государства. Интерес к этой проблематике в значительной степени носил персонализированный характер и был связан с масштабом деятельности государственных деятелей империи, волею судеб оказавшихся связанными с окраинами государства. В этом смысле безусловно обоснован интерес исследователей к имени выдающегося государственного деятеля России Михаила Михайловича Сперанского. Это имя неизменно привлекает к себе внимание широкой научной общественности и государственно-политических деятелей России. Выходец из семьи сельского священника, благодаря своим исключительным способностям и трудолюбию, Сперанский в короткий срок сделал блестящую карьеру. Шреватности судьбы – отставка, ссылка, недоверие власти и общества не сломили этого сильного духом человека. В конце жизни Сперанский дослужился до высших государственных постов, получил титул графа и был награжден высшими государственными орденами. Он по сей день является яркой звездой российской бюрократии, признанным реформатором и выдающимся юристом.

В историю российской юридической науки и практики Сперанский вошел как инициатор кодификации законов империи. Между тем многие поколения сибиряков чтят память Сперанского не только как составителя Свода и Полного собрания законов Российской империи, а прежде всего как сибирского генерал-губернатора. Генерал-губернаторство Сперанского в Сибири было кратковременным, но впечатляющим по результатам. Сперанский управлял Сибирью в течение трех лет, с 1819 по 1822 г., из которых почти два года он провел непосредственно за Уралом. За этот короткий срок он произвел «обозрение» огромного края и

---

¹ Градовский А. Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Русский Архив. 1868. Ноябрь – декабрь; Нольде В. Ф. Очерки русского государственного права. СПб., 1911; Берендтс Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации: (записка, сост. в дек. 1903 г.). СПб., 1913; Коркунов П. М. Русское государственное право. Изд. 6-е. СПб., 1909; Андучин Е. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с учреждения о губерниях 1775 г. и до последнего времени. СПб., 1872.

² Ивановский В. В. Административное устройство наших окраин. Казань. 1891.

ревизию его управления, составил для правительства содержа- тельный отчет и подготовил обширные законодательные пред- ложения. Отчет Сперанского и его проекты обсуждались в Си- бирском Комитете и после утверждения императором выдвинулись в «Учреждение для управления Сибирских губерний» и ряд сопут- ствующих ему «Уставов», насчитывающие в общей сложности 4019 статей. Сибирские реформы 1822 г. стали первым опытом комплексного регионального законодательства империи, осно- ванного на геополитических особенностях Азиатской России. Они на длительный период определили структуру сибирской админи- страции и особенности местного управления, оформили прави- тельственную политику в отношении коренного населения Сибир- и, оказали влияние на многие стороны жизни края. В отдель- ных частях законодательство 1822 г. сохраняло в Сибири силу до начала XX столетия. Все это делает реформу Сперанского одним из узловых вопросов истории Сибири и окраинной политики госу- дарства в целом. Истории разработки и оценки «Сибирского учреждения» 1822 г. в русской историографии и посвящена эта публикация.

Естественно, что за два столетия, которые отделяют нас от изучаемой эпохи, накопилось немало документальных публика- ций и исследований по этому чрезвычайно важному периоду си- бирской истории. Строго говоря, реформа М. М. Сперанского 1822 г. — это не только часть истории Сибири, но и составная часть истории нашего отечества в целом. Так как именно тогда, бу- дущи последними сибирским генерал-губернатором, М. М. Сперап- ский заложил такие принципы регионального управления, кото- рые впоследствии небезуспешно транслировались властным Це- тербургом применительно к другим окраинам империи. Вполне закономерно поэтому, что историки, публицисты, мемуаристы неоднократно обращались к событиям 1819–1822 гг. Вокруг си- бирской деятельности и реформ М. М. Сперанского шла, а отчас- ти и до сих пор идет, оживленная дискуссия, высказываются различные оценки, сталкиваются идеи и мнения. Сибирская ре- форма 1822 г. стала, таким образом, заметной историографиче- ской темой, заслуживающей специального рассмотрения.

Сибирские преобразования 1822 г. стали объектом изучения еще в рамках дворянской историографии. Произошло это в пере- ломные моменты отечественной истории, когда падение крепост- ного права поставило перед всеми течениями русской обще- ственной мысли вопрос о соотношении революции и реформ. В

этих условиях интерес к личности и делам признанного реформатора Сперанского был вполне понятен. Вокруг имени Сперанского развернулась полемика, поводом к которой послужило двухтомное сочинение М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского», изданное в 1861 г.

Барон Корф был представителем высшей бюрократии николаевского царствования. Он лично знал Сперанского и служил под его началом во Втором отделении императорской канцелярии.

Ревизия и реформы Сперанского в Сибири рассматривались Корфом как эпизод из жизни этого деятеля, тем не менее книга Корфа давала значительный по тому времени фактический материал, довольно обстоятельное внешнее описание людей, дел, событий. Корф писал биографию Сперанского в условиях большого общественного подъема. И поскольку он повествовал о событиях сорокалетней давности, то мог позволить себе строго дозированной критичности. Это относится, в частности, к описанному им состоянию сибирской администрации до ревизии 1819 г. Из сочинения Корфа широкая публика узнала о деятельности нижеудинского исправника Лоскутова, железной рукой зажавшего целый уезд; о том, как епископский городничий прокатился по городу на чиновниках, осмелившихся просить начальство о его замене, и других подобных вещах¹.

Корф не без укоризны отметил загрызания Сперанского с Аракчеевым, признал, что «Сибирское учреждение» готовилось торопливо, и т. д. «Смелость» Корфа отнюдь не противоречит, однако, его монархической концепции. Это составная часть его общего замысла. Злоупотребления сибирской администрации выступают у него как аномалия, как местное искривление, устранить которое и был послан Сперанский. Инициатива преобразования идет от императора, и задача Сперанского – обеспечить управление по «правде монаршей». Поэтому и оценка деятельности Сперанского как «поворотного столба» в сибирской истории² приобрела политическое звучание: власть сама осуществит реформы, когда в них назреет необходимость.

Н. Г. Чернышевский откликнулся на книгу Корфа статьей-рецензией «Русский реформатор». Хотя в ней деятельность Сперанского рассматривается во всероссийском масштабе, она имеет значение и для сибирского периода. Для Корфа политическая

---

¹ Корф М. А. Жизнь графа М. М. Сперанского. В 2 т. СПб., 1861. Ч. 1, 2. Т. 1. С. 201, 235.

² Там же. С. 192, 237.

программа Сперанского казалась радикальной, а для Чернышевского – более чем умеренной. Но и эти умеренные проекты преобразований Сперанский не мог осуществить. «Он совершенно забыл о характере и размере сил, какие были бы нужны для задуманных им преобразований, – подчеркнул Чернышевский, – поэтому он не успел исполнить ровно ничего и оказался “мечтателем”»¹. Для сравнения приведем еще высказывание А. И. Герцена, хотя оно и не связано прямо с книгой Корфа. «Чиновничество, – писал Герцен. – Царит в северо-восточных губерниях Руси и Сибири: тут оно раскинулось беспрепятственно, без оглядки: Сперанский пробовал облегчить участь сибирского народа. Он ввел всюду коллегиальное начало; как будто дело зависело от того, кто как крадет – поодиночке или шаikaми: Он сотнями отменял старых плутов и сотнями принял новых: Гола через три чиновники наживались по новым формам не хуже, как по старым»².

В последующие годы интерес к деятельности Сперанского не угас. Это объяснялось тем, что буржуазные реформы 60-х гг. мало коснулись Сибири. Сибирь продолжала жить по учреждениям и уставам 1822 г. В связи с этим перед прогрессивными кругами сибирской общественности встал вопрос об оценке преобразований Сперанского как в историческом, так и в современном политическом аспекте. Ответом на эту потребность явился изданный в 1872 г. к 100-летию реформатора, капитальный труд В. И. Вагина «Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год».

В. И. Вагин – уроженец и житель Сибири, сотрудничал с сибирскими и столичными изданиями, был активным членом сибирского, а затем Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, редактировал некоторое время газету «Сибирь».

Труд Вагина основан на изучении обширного круга источников, большую часть которых он впервые ввел в научный оборот. Паряду с традиционными источниками (отчет Сперанского в «Обзрении Сибири», законодательные акты 1822 г., «Обозрение главных оснований местного управления Сибири» и пр.) Вагин использовал некоторые материалы первого Сибирского комитета и многочисленные дела Главного управления Восточной Сибири,

---

¹ Чернышевский Н. Г. Собр. соч. Т. 7. С. 811.

² Герцен А. И. Былое и думы. М.: Б-ка всемир. лит., 1969. С. 219.

которые почти полностью были утрачены в результате Иркутского пожара 1879 г. С фактической стороны сочинение Вагина до сих пор остается самым полным сводом данных о ревизии и реформах Сперанского в Сибири. Неслучайно «Исторические сведения» указаны не только во всех российских, но и в зарубежных библиографических справочниках как одно из основных пособий при изучении вопроса. Практически нет ни одного автора, который, занимаясь данной проблемой, не опирался бы впоследствии на исследование Вагина.

В предисловии к книге В. И. Вагина скромно оценил свой труд, как «материалы для истории, и при том далеко не полные». Авторская скромность, конечно, имела под собой некоторые основания. Однако «Исторические сведения» нельзя рассматривать только как материал для будущей истории. Это одно из самых крупных явлений в отечественной историографии вопроса.

Наряду с массой конкретных сведений монография Вагина дает анализ и оценку реформы 1822 г., ее предпосылок и значения.

Вагин, в отличие от Корфа, гораздо шире поставил вопрос о предпосылках реформы 1822 г. Корф свел его к злоупотреблению «неблагонамеренных» чиновников в отдаленном крае и попечениях «высшей власти» о «благах» сибирского населения, Вагин же рисует подробную картину общего положения Сибири и вводит в литературу популярный впоследствии сюжет борьбы двух партий: чиновничьей и местного купечества.

Он значительно детальнее своих предшественников раскрывает ход ревизии Сперанского, его распорядительную деятельность в качестве генерал-губернатора края. Вагин рассматривает подготовку реформы, хотя из-за недоступности ему ряда важных источников эта сторона показана у него слабее.

Вагин дал довольно подробный анализ сибирского «учреждения» и «уставов» 1822 г. Стоит отметить, что Вагин был знаком с ними не только как историк, но и как практик-администратор, знавший их в действии. Проследившая Вагин и дальнейшую судьбу «Учреждения» Сперанского. «Исторические сведения» написаны не только большим знатоком прошлого Сибири, но и ее горячим патриотом. Поэтому угол зрения Вагина заметно отличается от подхода Корфа. Вагин увидел многие слабые стороны преобразований 1822 г. Он указал, в частности, на вырождение совещательных советов, введенных Сперанским, и вообще на несостоятельность принципа бюрократической коллегиальности. Вагин отметил нежизненность отдельных положений

ний 1822 г. (Устав об устройстве сухопутных сообщений). По в целом Вагин дал деятельности Сперанского в Сибири положительную оценку и признал реформы 1822 г. одними из выдающихся событий сибирской истории. Он высоко оценил нравственное влияние личности Сперанского на сибирское общество. В то же время труд Вагина объективно ставил перед читателями вопрос о необходимости новых реформ, появления, так сказать, «второго Сперанского». Песлучайно поэтому труд Вагина привлек внимание сибирской общественности и вызвал оживленный обмен мнениями¹.

Особый интерес представляет в этой связи сочинение А. П. Шапова «Сибирское общество до Сперанского». По форме это рецензия, на деле же – большая и оригинальная статья, для которой труд Вагина явился частью источником, а частью – предметом полемики. Работа Шапова создавалась на последнем этапе его творческого пути и отражала хотя и противоречивый, но в целом безусловно демократический подход к оценке исторического процесса. Шапов поставил две главные проблемы: состояние сибирского общества накануне реформ Сперанского и оценку этих реформ. Он дал хотя эскизно, но яркими мазками панораму сибирской жизни конца XVIII – начала XIX вв. Исходя из своих общих представлений об особенностях Сибири, Шапов полагал, что характерной чертой сибирского населения было хищническое стремление к наживе, «эгоистические инстинкты», как назвал их историк.

Общий колорит сибирской жизни и нравов он изобразил довольно мрачными красками. Посетителями «эгоистических инстинктов» Шапов признавал, в первую очередь, сибирское купечество, хотя находил их и в других сословиях. В соответствии с этим он гораздо резче, чем Вагин, ставит вопрос о борьбе местной администрации и купечества и решает его с иных позиций. Вагин квалифицировал их борьбу как конфликт местной власти с народной партией в широком смысле. Шапов отказался признать за сибирским, точнее, иркутским купечеством роль выразителя народных интересов. Он утверждал, что в иркутском обществе в конце XVIII и начале XIX столетия главной действующей силой «была вовсе не демократическая сила массы городского населения, а буржуазная олигархия довольно могущественной купече-

---

¹ Вагин В. П. Исторические сведения о деятельности М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. В 2 т. СПб., 1872.

ской партии»¹. Подоплеку борьбы купечества с чиновничеством А. П. Шапов видел в экономике, связывал ее с «торговыми интересами». Они боролись за то, кому торговать с широдцами и «за преимущественное право эксплуатировать народ». Отметив, что сибирская администрация широко занималась торговлей с широдцами, Шапов указал, что интересы в этой сфере должны были столкнуться с купеческими, чиновничество или должно было действовать с купцами заодно, вступить с ними в союз, или же встретить оппозицию со стороны купеческой монополии и вести с ней борьбу»². Шапов подчеркивал эксплуататорскую сущность буржуазии. Косвенно возражая Вагину, он писал: «Капиталистическое буржуазное сословие: по самому существу своему не может допустить общественной равноправности и экономического равновесия низших, рабочих и промышленных сословий, составляющих источник: обогащения, предмет эксплуатации, основание капиталистической общественной пирамиды»³. Шапову была, разумеется, совершенно чужда всякая идеализация сибирского чиновничества. Но он, однако, полагал, что из чиновника может, хотя и редко, выйти «филантроп и просветитель Сперанский», «друг колодезников и черни», своекорыстная же буржуазия в состоянии только угнетать народ. Исходя из этого, историк дал в общем положительную оценку преобразованиям Сперанского в Сибири и правительственному влиянию его личности на местное общество.

Шапов отметил, что Сперанский обнаружил в Сибири «полнейшее господство чиновничьего самовластия и деспотизма». «Чтобы в корне пресечь развитие всего этого зла, Сперанский, как реформатор по призванию, ввел так называемые «сибирские учреждения», с некоторым ограничением произвола администрации»⁴. Шапов высказал одновременно сожаление, что Сперанский ограничился тем, что ввел «новые лучшие административные учреждения в Сибири», но даже не намечал социально-экономической реформы. Исследователь не ставит вопроса о первоначальном замысле преобразований и их законодательной реализации в 1822 г. Он рассматривает реформы Сперанского в их окончательном виде и считает, что сибирское общество того времени было не в состоянии воспринять их. Он убежден, что «общевосточная идея этих реформ, их гуманно-филантропическое

¹ Шапов А. П. Соч. Т. 3. СПб., 1908. С. 154.

² Там же. С. 663.

³ Там же. С. 670.

⁴ Там же. С. 677.

направление до такой степени еще чужды были азиатскому умонастроению и буржуазно-эгоистическим наклонностям сибирского общества, что почти большинство современников Сперанского не поняли его; и не умели надлежащим образом оценить его значение и влияние на Сибирь»¹. Историкографическое место статьи Щапова весьма значительно. Для него характерно стремление оценивать реформы 1822 г. с точки зрения интересов трудящихся масс и защиты этих интересов.

Тема преобразований 1822 г. должна была, естественно, привлечь внимание областнической историографии и публицистики. Следует сказать, что областники также отталкивались от книги Вагина. Одним из первых откликнулся на нее крупнейший представитель общественной мысли Сибири Н. М. Ядринцев. Его статья «Сперанский и его реформы в Сибири» была опубликована в «Вестнике Европы», а затем с некоторыми вариациями вошла в знаменитую книгу «Сибирь как колышья».

У Ядринцева нет принципиальных расхождений с Вагиным в оценке реформы, хотя общий тон Ядринцева более критичен. В целом совпадают структура работ и поставленные в них вопросы. В то же время следует сказать, что Ядринцев подошел к своей задаче в теоретическом плане глубже, чем Вагин.

Если у Вагина превалирует фактическая сторона дела, а оценка дается, как правило, одной-двумя фразами, то Ядринцев, опираясь на материалы Вагина, старается полнее подойти к теме с разных сторон. В качестве примера можно указать, в частности, постановку вопроса о производстве сибирской администрации, которую Н. М. Ядринцев наряду с другими причинами объяснил колониальным положением Сибири. Ядринцев подчеркивал, что местное общество даже в тяжелую пору правления Пестеля и Трескина «пыталось вести подземную борьбу». С легкой руки Екатерины II в правительственных сферах за сибиряками утвердилась репутация ябедников. Ядринцев вслед за Вагиным показал, что донос был своеобразной формой «борьбы против произвола, когда отняты были все средства гласности»². Итоги ревизии Сперанского в Сибири Ядринцев оценивал более чем скромно: «Причины злоупотреблений лежали не в людях, а в целой системе», «ревизия осталась почти без последствий». Примерно так же оценивает Ядринцев и деятельность М. М. Сперанского на посту

---

¹ Щапов А. П. Соч. Т. 3. С. 674–677.

² Ядринцев Н. М. Сибирь как колышья. СПб., 1882. С. 319–320.

генерал-губернатора в Сибири. Он не соглашается с теми биографами, которые, «увлекаясь личными качествами и достоинствами этого администратора», предполагали, «что одно пребывание Сперанского в Сибири уже могло изменить порядок дел». Так же как и Шапов, Ядринцев считал, что Сперанский не смог воздействовать на социально-экономическую жизнь Сибири. Он писал: «Торговая кабала над инородцем и крестьянином до последнего времени составляет язву страны: реформа Сперанского ничего здесь не сделала»¹.

Систему управления Сибири до Сперанского Ядринцев характеризует следующим образом: «Централизация здесь приводила к одним злоупотреблениям, а предоставление независимой власти начальникам на месте – к другим. Таков был давнишний сфинкс сибирской истории»².

Задача Сперанского состояла в том, чтобы рассеять гордые узлы 200-летнего сибирского управления и навсегда прекратить злоупотребления. Только «ревизия Сперанского, хотя и лучшего человека своего времени», не помогла, поэтому, считает Ядринцев, нужно было устранить «причины зла» и «создать новые основания управления». Изложив разработанную Сперанским программу реформ управления, Ядринцев признает ее цели достойными уважения, но подчеркивает, что «при всех благих намерениях важнее всего их выполнение». Так он подходит к вопросу о путях, какими Сперанский стремился достичь цели. План преобразования Сперанского «основывался на введении коллегиального управления во всех частях вместо единоличного и опирался на взаимный контроль одних учреждений над другими». Ядринцев вполне согласился с Вагиным, что создание совещательных советов в системе местного управления «нисколько не ослабило исполнительной власти». Ядринцев справедливо отметил, что эти советы очень незначительно отличались от прочих присутственных мест в России, «принципиального же различия между ними не было». Замысел Сперанского он рассматривал как попытку защитить Сибирь от злоупотреблений путем «обыкновенной комбинации: при помощи зависимости одних чиновников от других». «В общем, – говорит Ядринцев, – изменения Сперанского были столь скромны и столь соответственны обыкновенному канцелярскому порядку, что прошли чрезвычайно легко». Исключение

---

¹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. С. 328–337.

² Там же. С. 342.

составлял только проект об освобождении заводских крестьян, отклоненный Сибирским комитетом. Поэтому вслед за Вагиным Ядринцев поставил вопрос: «Вышли ли проекты Сперанского в том виде, в каком они были представлены, или были значительно изменены?» Вагин, основываясь на рассказах старожилов, полагал, что «изданное учреждение о Сибири значительно разнится от первоначального проекта». По преданиям проект предполагал дать простор выборному началу и устройству управления, гораздо более свободному от централизации, учредить особый департамент Сепата для Сибири и т. д. Поэтому Вагин предполагал, что Сперанский увез из Сибири только черновой вариант проекта и уже в Петербурге, видя невозможность провести их целиком, решился на переделку. Однако Ядринцев, исходя из имевшихся в его время материалов, биографий, сведений и писем Сперанского, пришел к выводу, что нет оснований предполагать, что его проекты были изменены. Он предложил более простое объяснение. Сперанский, по его мнению, опасался, что «вследствие потерп его влияния и вследствие оппозиции ему в Петербурге Аракчеева даже самые незначительные его проекты будут отвергнуты»¹. Ядринцев отмечает, что изданное Сперанским «новое учреждение Сибирского управления не удовлетворило ожидания». Оно сразу же подверглось обвинению как из лагеря консерваторов, так и со стороны людей, ожидавших от Сперанского большей реформаторской инициативы. Вместе с Вагиным Ядринцев указал на очевидные противоречия между целями Сперанского и предложенными им средствами. Программа Сперанского провозглашала «гласность и публичность действия власти, что никогда не было осуществлено». Аналогичное положение сложилось и с правом протеста со стороны советов управлений, которые на практике зависели от генерал-губернатора и чиновников. Важнейшим недостатком реформы Ядринцев, как и Вагин, считал отказ от идеи ввести «выборный элемент в высшее сибирское управление». Ядринцев пришел к заключению, что стремления Сперанского ограничивались устранением произвола и взяточничества в администрации, поэтому он признал эти стремления до известной степени прогрессивными. Сперанский стремился к введению законности вместо прежнего произвола, хотя обстоятельства и не оправдали его ожиданий.

---

¹ Ядринцев П. М. Сибирь как колония. С. 343–345.

В заключение Ядринцев дает оценку административному учреждению Сперанского, основываясь на 50-летнем опыте его практического применения. «Мы не ошибемся, — замечает историк, — если скажем, что сибирские законы Сперанского никогда не действовали в полной силе. Некоторые части их даже не были приведены в исполнение». Он имеет в виду особые законы для суда над «инородцами» и особое сельское положение для суда крестьян, которые никогда не были изданы; показывает, что степные думы на практике подчинялись земским судам и сделались чем-то вроде волостных правлений. «Вмешательство земской полиции в дела инородцев, устраняемое Сперанским, явилось преждее». «Устав об управлении инородцев» был, по мысли Ядринцева, гуманным и замечательно доброжелательным по духу. «Однако он не мог осуществиться и повел только к недоразумениям». «Заселение сельными Сибири и приучение их к оседлости: вовсе не удалось»: «Сибирские генерал-губернаторы приобрели прежнюю силу и независимость: прозяблились отпрыски прежнего произвола и злоупотреблений». «Таким образом, даже те слабые предположения облегчения, к которым стремился Сперанский, не оправдались»¹.

Однако Ядринцев отнюдь не склонен возложить за это на Сперанского единоличную ответственность. В этой связи он делает следующее глубокое замечание: «Невозможно было также, чтобы положение дел вдруг изменилось, потому только, что Сибири даны новые законы, тогда как все другие условия сибирской жизни остались по-старому». Следует подчеркнуть, что в оценке преобразований Сперанского Ядринцев исходил из общей концепции раннего областничества. Он смотрел на них глазами не только беспристрастного историка, но и общественного деятеля, убежденного в том, что учреждения 1822 г. «отжили свое время». Ядринцев был убежден, что Сперанский не достиг своих целей, так как «ошибки были допущены в принципе», он «слишком положился на одни официальные коллегиальные учреждения». Исходя из этого, Ядринцев развертывал не только критику этих учреждений, но и намечал областническую программу реформ в современной ему Сибири. Его воззрения в той или иной степени разделяли и другие представители областнического движения².

---

¹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. С. 107–108, 340–351.

² Там же. С. 350, 355–369.

Взгляды Ядринцева оказали влияние и на С. Прутченко, труд которого «Сибирские окраины» увидел свет в 1899 г. Вместе с тем на автора этой книги воздействовали и идеи государственно-юридической школы. Это определило как сильные, так и слабые стороны исследования. Там, где речь идет о конкретном анализе законодательных актов, историк делает ценные наблюдения, тонко подмечает связи и преемственность между старыми и новыми учреждениями. Однако в общем представлении об эволюции управления Сибирью ощущается эклектический подход. Для историка-идеалиста было характерно преувеличение роли государственных учреждений и правовых установлений. С. Прутченко собрал большой материал по истории управления Сибирью с момента ее включения в состав России. Неурядицы сибирского управления до Сперанского он связывал с неспособностью центральной и краевой администрации учитывать своеобразие местных условий и потребностей. Проводя ревизию и расследуя многочисленные злоупотребления, Сперанский сблизился с неизвестной ему ранее жизнью Сибири, извлек «поучения из непосредственно полученного опыта»¹. По мысли С. Прутченко, Сперанский пришел к выводу, что Сибирь нуждается в такой организации, которая «в себе самой находила бы достаточно энергии, знания, освоенности с местными условиями и силы для удовлетворения своеобразных нужд и потребностей края». «Сибирское учреждение» Сперанского вносило в русское законодательство признание необходимости областной организации внутри Российской империи². Но практическое разрешение этого вопроса оказалось малоудачным. По разным причинам «Сперанское учреждение» было развернуто по схеме бюрократического управления. Суд остался в зависимости от администрации, органы самоуправления так и не были созданы³. Подводя итоги изучения вопроса в русской историографии, необходимо отметить, что он привлек внимание авторов различных идейных течений. Тема сибирских реформ 1822 г. входит в историческую литературу в связи с личностью Сперанского и трактуется Корфом в биографическом плане. Сибирь выступает у него полем для приложения реформаторских усилий Сперанского, а сам Сперанский изображается как исполнитель воли монаршей. Труд Вагина

---

¹ Прутченко С. Сибирские окраины. В 2 т. СПб., 1899. Т. 1. С. 100.

² Там же. С. 279.

³ Там же. С. 231–235.

сдвигает акценты, превращает вопрос о реформах 1822 г. в предмет собственно сибирской историографии. Этот подход углубляется и закрепляется Ядринцевым. Деятельность Сперанского в Сибири оценивается областнической мыслью с точки зрения нужд и потребностей края, интересов ее демократических слоев. Апологетика реформ сменяется их трезвой оценкой, показом противоречий между словом и делом, целями и результатами. Критика преобразований Сперанского в Сибири увязывается с программой областничества, выступает как одно из ее исторических обоснований. Этим определялись как достижения, так и слабости областнической историографии сибирских реформ 1822 г.

Разработанное М. М. Сперанским «Сибирское Учреждение» 1822 г. было сводом комплексных законов для одного обширного региона. Это был первый российский опыт регионального законодательства, построенного на основе принципа разделения властей, самостоятельной функциональной роли каждой ветви власти в управлении, а также с учетом геополитических особенностей огромного края. Преобразования 1822 г. не только на целое столетие определили структуру сибирской администрации и местного управления, но и оказали влияние на многие важные вопросы жизни края, политики в отношении коренного населения, ссылки, свободы торговли и др.